

ГҮР
АННА

Радио.

ПОДАРИ НАМ
ЖИЗНЬ

Анна Гур

Развод. Подари нам Жизнь

«Автор»

2026

Гур А.

Развод. Подари нам Жизнь / А. Гур — «Автор», 2026

- Вашей дочери нужна помощь. Прошу. Помоги... те, - хриплю с отчаянием, сердце кровью обливается- Моей?! - уточняет иронично.Миллиардер вскидывает бровь. На холодном лице впервые проскальзывает эмоция, очень похожая на удивление.- Да... я родила вашу дочку... - губы дрожат, но паника и отчаяние придают сил, - и нашей доченьке нужна помощь...Вновь эти цепкие ледяные глаза скользят по моему лицу, будто сканируют, оценивают.- Я не помню, чтобы с тобой спал.Выговаривает ровно, бьет словами наотмашь, а у меня слезы из глаз ручьем.- Вы и не спали... Мне сделали ЭКО...

© Гур А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Анна Гур

Развод. Подари нам Жизнь

Глава 1

Евгения

– Евгения Ивановна, добрый день, вас беспокоит Скворцова, старший воспитатель детского сада...

Стоит услышать сухой голос в трубке, как у меня сердце сжимается. Ощущение надвигающейся беды вымораживает, и я сразу же подрываюсь с вопросом:

– Что с Леной?! Что с моей доченькой?!

– Вашей дочке стало плохо, мы вызвали скорую. Вам нужно срочно приехать. Без вас ребенка не госпитализируют.

Ровный голос женщины лишен хоть какого-то оттенка чувств, а у меня от ее слов все перед глазами темнеет.

– Что?! Я... я сейчас... я уже еду!

Выговариваю, теряя себя, вскакиваю, цепляю сумку, хватаю пальто и мчу вперед.

– Женя... ты куда?! Что случилось?! – кричит мне вслед коллега.

– Лика! Объясни все начальнице! Моей доченьке... Лене плохо стало... я... мне нужно срочно бежать в сад...

– Боже... не беспокойся! Все решу с Гавриловной!

– Спасибо!

Бегу к лифту, жму на кнопку вызова.

Сколько раз я ее нажимаю?!

Не знаю.

Только кажется, что чертов лифт застрял! Время тянется как резина, и я просто тыкаю еще несколько раз пальцем, но... в итоге просто срываюсь с места и бегу к лестнице.

Я спускаюсь неуклюже, просто слетаю, перепрыгиваю, чуть не падаю на ступеньках. Перед глазами пелена, стук сердца в висках.

Вашей дочке стало плохо...

Сердце сжимается. Оно будто биться забывает. Запыхавшись, я вылетаю из здания, где расположен офис нашей маленькой компании, мокрый снег сразу же ударяет в лицо – наотмашь, болезненно.

Слякоть и непогода ранней весны сразу же проскальзывают под незастегнутое пальто, вода из лужи обрызгивает колготки.

Не помня себя, я лечу к остановке, где обычно жду автобус, вспоминая, что там почти всегда дежурят таксисты.

Просто цепляю первую попавшуюся машину и залетаю внутрь.

– Детский сад «Ласточка», – выпаливаю адрес, – умоляю вас, только быстро... прошу...

– Превышать не буду. Штраф в пять тысяч платить неохота, – спокойно отвечает водитель, а затем бросает взгляд в зеркало заднего вида.

– Что случилось девушка? – спрашивает усатый мужчина. – На вас лица нет...

– У меня ребенку плохо стало в садике...

– Ай-яй-яй... – выдает нараспев с акцентом и вырывает, затем прибавляет газу, а я выхватываю трясущимися пальцами телефон и звоню Василию

Муж не отвечает, а я все названиваю ему... пока не сбрасывает!

Сбрасывает!

Прикрываю веки. Жмурюсь. Пытаюсь затолкать панику глубоко внутрь себя, но...

Так страшно становится. Так непреодолимо страшно. Закусываю губу. Смотрю вперед, все хочется попросить, чтобы упитанный таксист поднажал, но я понимаю, что это уже будет слишком.

В конце концов, мне нужно добраться до моего ребенка живой... а при такой плохой видимости можно и в аварию попасть.

Дождь усиливается, в какой-то момент превращаясь в непроглядный ливень, а я вновь называю мужу. И вновь его телефон не отвечает.

– Вася, ну возьми же трубку... возьми...

Выговариваю в никуда, но, разумеется, звонок остается без ответа, а затем и вовсе голос робота оповещает о том, что телефон абонента либо выключен, либо вне зоны связи...

– Доехали, девушка!

Наконец таксист выруливает и останавливается у садика моей девочки. Вижу карету скорой помощи, и сердце мое кровью обливается.

Боль нестерпимая. Страх. Паника.

– Боже... пусть все будет хорошо... пусть все будет хорошо... пожалуйста...

Шепчу как мантру, а у самой сердце буквально разрывается в груди.

– Девушка... я вам могу чем-то помочь?.. – раздается голос с явным южным акцентом, но я даже ответить ничего не могу, лишь бросаю взгляд на мужчину, цепляю из кошелька купюру и не глядя пихаю водителю такси.

– Девушка, тут многовато будет...

Кричит он мне вслед, но я уже не слышу, вылетаю из машины и бегу к воротам, никак не могу найти карту-пропуск, затем наконец выхватываю ее, чуть не выронив все содержимое сумки.

Не помня себя, я прорываюсь в сад и взлетаю на второй этаж, где расположена группа Леночки.

– Я тут... я здесь...

Выговариваю задыхаясь, влетаю в группу и каменею, когда малышку свою вижу в окружении людей в медицинской форме. Рвусь к ней, но меня останавливает женщина в голубом костюме, ловит меня и не дает пройти вперед.

– Вы мама? – оборачивается ко мне врач с уставшим лицом.

– Да... я... мама...

– Распишитесь, – сует мне какую-то бумагу, и я на автомате ставлю росчерк.

– Поехали.

Мою дочку укладывают на носилки, а я... я наконец до нее дорываюсь, ловлю ее крохотную ручку.

– Леночка... Лена... мама тут... Я тут, звездочка моя... Лисичка...

Зову свою девочку, глажу ее рыженькие волосики, замечаю повязку, опоясывающую лоб.

– Мамочка... – отвечает малышка и ловит мою руку холодными пальчиками.

Пытаюсь дозваться, до людей, которые окружают нас.

– Что с ней?! Что с дочкой?!

Обращаюсь ко всем, и мне кажется, что я кричу, но на самом деле из горла вылетает лишь сдвленный всхлип.

– Успокойтесь, Евгения Ивановна, – слышу голос все той же сухопарой Скворцовой, которая возникает передо мной, – Лена упала и ударилась...

– Упала?! – переспрашиваю.

– Да. Отойдем?

Вроде и вопрос задает, а сама разворачивается и вперед идет, я же за главной воспитательницей шагаю и чувствую, как тревога только лишь усиливается, не отпускает, пульсирует напряжением в каждом позвонке.

– Она бегала? Ее случайно толкнули?

Перебираю варианты, глядя в серые глаза Скворцовой, которая лишь качает головой.

– Как вам известно, у нас в группах недавно были установлены камеры.

Киваю неопределенно. Ничего понять не могу. Почему стою тут и разговариваю с этой женщиной, когда мне с дочкой в больницу ехать нужно?

– Я не понимаю, зачем мне эта информация, – наконец озвучиваю свои мысли, а сама на Леночку смотрю, рыженькие волосы моей лисички разметались по носилкам, а ее тонкое личико совсем бледное.

– Суть в том, Евгения Ивановна, – вновь холодно выговаривает Скворцова, – что вашу дочь никто не толкал.

– Она оступилась? – вновь спрашиваю.

– Нет. Я посмотрела по камерам. Ваша дочка просто упала. Возможно, потеряла сознание. Об этом вам лучше с врачами переговорить, но хочу предупредить, что без надлежащих справок, я вас в сад больше не пущу...

Глава 2

Меня будто холодом обдает, хочется высказать чопорной женщине все, что чувствую сейчас, но тоненький голосок моей девочки останавливает. Она тихонечко произносит:

– Мама...

– Иду, Лисенок, – отвечаю ей и улыбаюсь, ловлю взгляд дочки, затем разворачиваюсь и смотрю в холодные ледяные глаза главной воспитательницы и просто киваю.

Одними глазами даю понять, что я так просто это дело не оставлю.

Возвращаюсь к врачам и иду рядом с дочкой, пока ее на носилках переносят.

– Мамочка...

– Все хорошо, Лисенок мой... – говорю доченьке своей и за руку ее беру, поддерживаю. Как в тумане все. Не понимаю, как оказываюсь в больнице.

Дочке все анализы какие-то делают, кровь берут и ничего толком не говорят, а я чувствую, как меня потряхивать начинает, вновь и вновь набираю Васю, но его телефон молчит, тогда выдыхаю тяжело и свекрови звоню.

Долгие гудки. Ожидание. Облокачиваюсь о подоконник и на улицу смотрю, пытаюсь не расклеиться. Наконец свекровь отвечает.

– Тамара Алексеевна, я не могу до Васи дозвониться. Он трубку не берет, – сразу же выпаливаю, сжимая пальцами телефон сильнее.

– Не берет, значит, неудобно ему сейчас разговаривать!

Голос свекрови напряжен. Мы с ней вообще не очень ладим. Есть причины, но я всегда старалась быть с этой женщиной доброжелательной и не замечать многого, принимала, что в семейной жизни всякое может быть и нужно всегда решать конфликтные ситуации беседой, но в последнее время свекровь стала невыносимой, особенно когда Вася, напившись, ей случайно сболтнул нашу тайну...

После этого Тамара Алексеевна и дня не упускает, стараясь уколоть побольнее и высказать свое недовольство. Начинается все с мелочей, но эти «мелочи», подобно воде в прогнившем неисправном кране, капают и капают, стачивая последние нервы.

Прикрываю веки и выдыхаю. В принципе, с того момента, как свекровь узнала некоторые вещи, ничего особо не изменилось.

Эта женщина изначально восприняла меня как соперницу. Не знаю. Я пыталась расположить ее к себе, всячески поддерживала, старалась стать если не дочерью, то хотя бы хорошей женой ее сыну, но... что бы я ни делала, всегда было место для придирок.

Борщ неправильно варю, солянка недосолена, а компот несладкий. Я пыталась перенимать ее опыт, старалась радовать гостеприимством, но спустя некоторое время поняла: что бы я ни делала – я всегда буду недостойна ее Васечки просто потому, что не родилась в столице и не была из интеллигентной семьи в седьмом поколении, хотя и древо Тамары Алексеевны очень далеко от идеала.

Когда наконец, спустя много неудач и отчаяния, родилась Леночка, ситуация лишь обострилась. Я думала, что внучка смягчит сердце моей свекрови и она будет относиться к ребенку иначе, но после рождения дочки недолюбливать свекровь нас стала еще больше, а в последнее время ее негатив зашкаливать начал.

После того как Василий проговорился, рассказал...

Выдыхаю. Прикрываю глаза и собираюсь с духом.

Все понимаю, но, несмотря на все вышеперечисленное, больше нет у меня человека, которому позвонить могу, чтобы хоть как-то с мужем связаться.

– Тамара Алексеевна, мы с Леной в больнице! Она упала в садике!

– Все дети падают, – опять совершенно равнодушный ответ, – у тебя дочка вообще слишком активная, диагноз даже для этого имеется – гиперактивность, вот.

Прикрываю веки. Перед мысленным взором лицо свекрови проскальзывает, которая сейчас явно лоб свой нахмурила, слово «умное» вспоминая, дабы применить совсем не к месту, так как у Леночки никогда ничего подобного не было.

– Если вдруг удастся связаться с Васей, вы передайте ему, что мы в городской первой, Лену на анализы забрали...

– Хорошо, – отвечает скупое свекровь и отключается.

Я же с горечью глаза прикрываю. Никакого сочувствия в голосе, ни-че-го...

Одна я в самый трудный час... одна...

Минуты превращаются в часы, и кажется, что время застыло, уже за окном темнеет, а я все стою в коридоре и смотрю на фонарь, который темноту развеивает, и понимаю, что в моей жизни только Леночка есть. Лисичка моя. Единственный рыженький лучик света.

Как она появилась, так и поняла я, что это счастье, когда глазки открывает маленький комочек и смотрит на мир сквозь хрустальную чистоту голубых озер.

Моя девочка – все для меня.

Смысл жизни – сама жизнь...

Телефон звонит, и я подрываюсь с места. Кажется, что это Вася. Что миллион пропущенных моих увидел, но... на экране только имя коллеги высвечивается.

– Ну как Лисенок твой, Женька? – обеспокоенный голос Лики заставляет меня всхлипнуть.

– Ее на анализы увезли. Я... не знаю... мне ничего пока не говорят...

– Хочешь, я приеду? – спрашивает сердобольная Лика.

– Нет, Лика, но спасибо...

– На связи! – отвечает подруга.

И опять время течет, а я уже себя до предела накручиваю. Как в кабинет врача попадаю... не помню. Просто нахожу себя в кресле перед широким столом.

– Скажите, у вас есть какие-то наследственные или хронические заболевания? – спрашивает меня седовласый врач в белоснежном халате.

– Есть небольшие проблемы с печенью, – отвечаю тихо, а сама мысленно со своей Лисичкой нахожусь, которую в палате оставила.

– Понятно. Значит, противопоказания имеются, а у отца малышки?

– Что?

– У отца Лены есть какие-то наследственные или хронические заболевания?

Этот вопрос бьет наотмашь, я теряюсь. Не знаю, что именно сказать.

– Евгения Ивановна, я спрашиваю, со стороны отца девочки есть какие-то заболевания?

Врач явно теряет терпение, так как ему приходится повторять один и тот же вопрос уже в который раз, я же прикусываю губу и смотрю в упитанное, идеально выбритое лицо человека, взявшегося лечить Леночку.

– Нет... не знаю... – наконец выдаю сухими губами.

– Поясните, – хмурится врач, – я вопросы не просто так задаю. Вы в разводе? Где ваш муж?

А мне нечего ответить. Я не знаю, почему Василий отключил телефон и не отвечает, но... доктор спрашивает меня о биологическом отце Леночки.

Доктор хмурит брови, явно демонстрируя раздражение.

– Поймите, Евгения Ивановна, мне нужны четкие ответы. Так имеет ли отец Лены хронические заболевания?!

Прикусываю губу, руки дрожат, когда я выговариваю тихо, семейную тайну открывая:

– У нас с мужем не получалось забеременеть естественным путем, проблемы были с его стороны... поэтому мы приняли решение провести ЭКО, и семя было донорским.

Вновь глаза поднимаю и на врача смотрю, который крепко задумывается, а у меня будто ноги слабеют, и ощущение такое появляется, словно оседаю. Упала бы, наверное, если бы стояла, а сейчас какая-то слабость подступает.

Предчувствие какое-то бьется в груди. Давит так, что дышать становится сложно, слезы на глаза наворачиваются, и вопрос слетает с дрожащих губ:

– Скажите, доктор, что с Леночкой? С ней все хорошо?

И столько надежды у меня в голосе... надежды... которая ударяется о суровую реальность, когда врач снимает очки и теребит их в руках, делает паузу и вновь на меня смотрит серьезно, без толики каких-то чувств.

Скучно и профессионально. Как привык, учитывая, что, скорее всего, профессия такая – каждый день сталкиваешься с людскими драмами и болью.

Откладывает в сторону очки, и в повисшем молчании этот стук раздается звоном колокола, от которого я вздрагиваю.

– Что могу сказать, Евгения Ивановна.

– Правду, – слетает с моих одеревенелых губ ответ.

– Я вам советую найти биологического отца Лены. Боюсь, Евгения Ивановна, это единственный шанс на спасение вашей дочки...

Глава 3

Слова врача оглушают. Я дышать не могу. Смотрю на Семена Витальевича и понимаю, что воздух заканчивается.

Явно считывая то, что со мной прямо сейчас происходит, доктор встает, отходит к кулеру и возвращается ко мне.

– Пейте, Евгения Ивановна.

Вкладывает в мои дрожащие пальцы одноразовый стаканчик, и я пью воду, постепенно понимая, что чернота перед глазами рассеивается.

– Вам нужно успокоиться. Принять ситуацию.

– Это какая-то ошибка! Лена у меня активный и здоровый ребенок. С ней у меня почти никаких проблем! Мы даже гриппуем редко, она у меня ничем таким никогда не болела. А какие детские болячки и бывали, то все в самой легкой форме...

Слезы текут по щекам. Губы дрожат.

– Это ошибка... понимаете? Лена здорова...

Последнюю фразу уже почти шепотом произношу, напарываясь на снисходительный взгляд врача.

– Я говорю, опираясь на результаты анализов, Евгения Ивановна, все более чем серьезно...

Меня захлестывает каким-то отчаянием, которое штормовой волной накрывает, сносит, уносит и разбивает о скалы реальности.

– Но... как... почему?! Что с моей Леночкой?! – наконец задаю вопрос дрожащими губами. Меня начинает трясти так, что зуб на зуб не попадает.

– Печально, но дети болеют. Это самое сложное в жизни. Когда малыш, которому жить и жить, страдает от недуга, который...

Замолкает, не выговаривает страшных слов, которые я просто считываю в молчании доктора. Прикрываю веки и рыдать начинаю, меня накрывает истерикой.

– Евгения Ивановна, соберитесь. Слезам делу не поможешь.

Ровный голос врача вытягивает меня из агонии, в которую я погружаюсь.

– Сейчас вы должны понимать, что ситуация хоть и ужасна, но... в случае с детьми часто есть возможность стопроцентного исцеления. Так бывает. Детский организм очень быстро способен справиться, если вовремя принять необходимые меры.

– Какие меры? Что вообще с моим ребенком? Может, это все ошибка какая-то? Лена просто упала и ударилась! Дети часто падают!

Пытаюсь хоть как-то найти оправдание той ситуации, в которой оказываюсь, но сама же и ощущаю, насколько все зыбко. Моя жизнь разлетается, как сыпучие пески, утягивая все самое ценное за собой.

– Если мы найдем подходящего донора биоматериала для Лены, если все идеально подойдет, есть неплохие шансы на выздоровление.

– Я готова! Возьмите у меня все, что нужно! – выпаливаю и сминаю в руке пустой стаканчик.

Доктор же выдыхает и качает головой.

– Я не зря спросил у вас про хронические заболевания, Евгения Ивановна, донор должен подходить на все сто процентов, а вы не подходите. Мы поставим Лену в лист ожидания.

Семен Витальевич выговаривает это как-то так, словно сам не верит, что очередь до нас вообще дойдет.

А я глаза на доктора поднимаю, который смотрит на меня с долей сочувствия. Но я не заблуждаюсь на этот счет.

– А когда до нас очередь дойдет? У нас есть время ждать?

Тянет губы в подобии улыбки, скептической.

– Я не берусь предсказывать, но иногда нужного донорского материала люди ждут годами и не дожидаются...

– А у нас есть эти годы? – вновь задаю вопрос, ощущая, как лед сковывает каждую клеточку моего организма.

– Вы умная женщина, Евгения Ивановна, поэтому я вам, как и всем остальным своим пациентам, советую вставать в очередь, но и самим предпринимать все усилия, чтобы найти необходимый и на сто процентов подходящий донорский материал.

– А вдруг мой муж... Василий подойдет? – спрашиваю с надеждой. – Правда, у него астма...

– Не подходит. Более того, так как ваш супруг не является отцом малышки, в вашем случае нужно искать биологического родителя, донора, так сказать...

Скупые и суховатые пояснения врача заставляют меня в шоке застыть. Я просто не знаю, что можно сделать. Единственное, что понимаю, – надо спасти Леночку, спасти мою доченьку, подарить ей шанс на жизнь...

– Моя доченька... она такая маленькая... за что нам все это? – не выдерживаю напряжения и начинаю рыдать. – Почему не я? Я готова взять всю ее боль, всю болезнь себе...

Слезы текут ручьем, я реву так, как никогда не плакала, постепенно осознавая всю ужасающую реальность, где моя малышка, которой жить и жить... болеет...

– Успокойтесь, Евгения Ивановна, слезами горю не поможешь. Соберитесь.

Четкий голос врача заставляет меня утереть слезы и посмотреть в лицо, которое остается все таким же хладнокровным.

– Я часто рекомендую своим пациентам принятие. Отрицание – это первая стадия. Вы сейчас находитесь в ней. Вам кажется, что это все ложь, что такой беды конкретно с вами и вашим ребенком быть не может. Но у нас нет времени на эту стадию. Анализы сделаны. Ответы пришли. Надо принимать ситуацию. И надо постараться решить ее. Найти биологического отца.

– Я не знаю, кто этот человек, – голос дрожит, – вы врач и сами понимаете, что это врачебная тайна, которую не открывают...

Молчание служит ответом. Семен Витальевич явно все и сам знает.

– И к тому же! Если вдруг случится чудо и мне удастся отыскать этого человека. То... где гарантии, что и он подойдет? А вдруг он будет несовместим? Вдруг и у него есть какой-то недуг, который сделает его непригодным?!

Сыплю вопросами, понимая, что вместо холода меня начинает обдавать теплом. Даже жаром, который поднимается от ступней и рук, буквально начавших гореть. Кажется, еще чуть-чуть – и меня обдаст языками пламени.

– Что мне делать, доктор, в случае, если биоматериал этого мужчины не подойдет?! – спрашиваю с отчаянием и смотрю в светлые уставшие глаза человека, привыкшего видеть перед собой драму человеческой жизни каждый день.

– Евгения Ивановна, вы должны понимать, что все мы люди и все может быть. Мы вас поставим в очередь, и может случиться чудо – найдется донор, подходящий именно вам. Маловероятно, конечно, исходя из моего опыта, но бывает. Один случай на миллион. Никто не пророк и не бог, чтобы ответить со стопроцентной результативностью.

– Я понимаю, простите мне мою эмоциональность.

Вновь скупая улыбка на узких губах.

– Вам незачем извиняться. Вы – мать. Как я вижу очень хорошая мать, Евгения Ивановна, поэтому я и советую вам найти биологического отца, в этом случае шансы на жизнь у вашей дочки вырастут.

– А если он тоже не подойдет?

Задаю болезненный вопрос, который никак из головы не выходит, и врач кивает.

– Может и такое быть, – рушит мои надежды объективностью, однако затем добавляет нечто странное:

– Но в случае с биологическим отцом есть еще один вариант...

На врача смотрю. Хмурюсь. Не понимаю ничего.

– Что вы имеете в виду, доктор?

– Ничего такого. Вы поймите меня правильно. Я врач, и мое дело указать вам варианты, которые могут быть применены в каждом конкретном случае. В вашем случае мы первым делом встаем на учет и в очередь. Но также есть еще несколько вариантов, которые можно попробовать. Один из таких – найти биологического отца и проверить его на совместимость.

Прикрываю веки, выдыхаю и отвечаю ровно.

– Ну, допустим, мне удастся совершить чудо и найти человека, который сдал свой материал. Возможно, он даже согласится помочь Леночке...

По мере того как говорю, сама чувствую всю нереальность ситуации, но утопающий хватается даже за соломинку. Это истина, которую я на себе прямо сейчас ощущаю.

– Да. И в чем вопрос? – вновь хмурится врач.

– А если и его биоматериал не подойдет? – задаю свой вопрос и замираю.

– Такое также может быть, – абсолютно ровно отвечает врач, – но в случае с обоими биологическими родителями всегда есть третий вариант развития событий.

– Третий вариант? – переспрашиваю, ощущаю, как у меня уже голова начинает кружиться и от потока информации, и от всего того, что происходит прямо сейчас.

– Да. Если оба биологических родителя не могут стать донорами, тогда мы рекомендуем еще один вариант, и в этом случае есть очень хорошие шансы, обнадеживающие, так сказать, что все получится.

– Что получится? – спрашиваю отупело, не моргая смотрю на доктора, который ударяет пальцами по столу.

– У меня было многих подобных случаев в практике, и часто родители несовместимы, что поделать, но в большинстве случаев, если родители еще молоды, медицина рекомендует родить еще одного ребенка.

Выговаривает как-то как само собой разумеющееся, а меня в холодный пот бросает, потому что вспоминаю, сколько мучений мне пришлось перенести, чтобы моя Леночка на свет появилась.

Сколько в меня летело оскорблений и укоров со стороны свекрови, которая называла меня бесплодной, сколько я проверялась у врачей, пока мне наконец удалось Васю уговорить сдать анализы, ведь Тамара Алексеевна внушила сыночку, что он здоров как бык...

А когда мы с Васей анализы сдали, получилось, что это у него проблемы и непригодно его семя...

Сколько слез было, сколько боли, пока наконец врач не предложил решение. Использовать донорский материал.

Не хочу вспоминать все то, через что пройти пришлось, пока наконец в мою жизнь самым настоящим светочем не вошла моя доченька, моя Лисичка.

– Родить еще одного ребенка... вы с ума сошли?! – мой голос звенит, сама трясусь.

Мой выкрик явно не нравится доктору, который сужает веки и отвечает холодно.

– Еще раз. Евгения Ивановна, я перечисляю варианты, которые могут спасти вашей дочке жизнь. Это не шутки. Принятая практика в медицине. Когда для больного рожают брата или сестру. В данном случае можно использовать биоматериал новорожденного, что абсолютно безопасно для малыша, так как все необходимое мы возьмем из пуповины... но, – поднимает палец и подчеркивает сказанное: – Этим методом спасти можно и больного ребенка, подарив

шанс на здоровую жизнь. Как я уже сказал, детский организм очень сильный. В любом случае решать вам, и для начала вам нужно найти биологического отца и привести его на анализы. А уже дальше будем решать по обстоятельствам.

– Сколько времени у моей девочки? Может, найдется донор?

Вопросы задаю, а сама уже не слышу ничего. В лицо врача смотрю и понимаю, что очереди мы не дождемся...

Слишком уж у доктора взгляд говорящий. И я не знаю, что мне со всем этим делать...

– На этом у меня пока все, – подытоживает Семен Витальевич.

– Можно мне к доченьке? – спрашиваю с надеждой, глядя в спокойные глаза доктора.

– Пока нет, Евгения Ивановна. С девочкой все хорошо. Она спит. Лену мы подержим у себя еще пару дней в боксе, понаблюдаем. Посетителей не пускаем, она пока у нас под аппаратом...

Каждое слово как огромный булыжник, который падает и ударяет меня наотмашь. Я ничего не понимаю. Ничего не доходит.

Врач же протягивает мне кипу бумаг.

– Вот, возьмите. Здесь несколько брошюр по вашему диагнозу.

Указывает на одну стопку.

– А вот здесь анализы вашей дочки. Возможно, вы захотите проконсультироваться еще с врачами, часто мои пациенты посылают эти анализы за рубеж в другие клиники, которые практикуют по данному вопросу.

По мере того как передо мной появляются документы, приходит осознание, что это не шутка, что это не какая-то роковая случайность. Вот они, доказательства того, что моя доченька действительно больна, и мне на полном серьезе обо всем этом говорит врач.

– Зачем мне отправлять ответы анализов за рубеж? Вы рекомендуете оперировать дочку за границей?

Вновь задаю вопрос и смотрю на врача, который немного приподнимает губы в улыбке.

– В вашем случае могу ответить так: у нас очень хорошие специалисты, Евгения Ивановна.

Мне кажется, или я слышу в голосе доктора сарказм?!

Но уже следующей своей фразой Семен Витальевич развеивает мои подозрения.

– В некоторых случаях есть операции, которые мы рекомендуем проводить именно за рубежом, в определенных клиниках, где есть передовое оборудование. Тут цена вопроса исчисляется в несколько десятков миллионов, иногда в сотни миллионов, такое тоже бывает, поэтому... решать вам...

– Сколько денег мне нужно на операцию для Лены?

Задаю вопрос, ощущая, как трясутся руки, как знобит...

– Квот на бесплатную операцию нет. Если и есть, то... скажу сразу и напрямую, не надейтесь на них, можно не дожидаться.

– Сколько? – спрашиваю вновь, ощущая, как в груди слева, ровно там, где сердце расположено, у меня огромный кусок льда появляется.

– Точных цифр никто не скажет, все индивидуально, но на данный момент, в принципе, нужно иметь в виду семизначную сумму. Это на лечение и поддержание. Пока.

Киваю, какое-то оцепенение нападает, потому что таких денег у меня нет, просто нет... и никогда не было... мы обычная семья без особого достатка. Живем, что называется, от получки и до получки, и такие суммы...

Они просто сбивают с ног. Уничтожают, потому что я не представляю, где именно могу достать такие деньги...

– То есть... чтобы помочь Лене, мне нужно достать сумму в несколько миллионов?

Вновь сухой кивок, затем врач добавляет:

– Только имейте в виду, Евгения Ивановна, все будет зависеть от того, как быстро будет развиваться болезнь, будет ли она в агрессивной стадии или, как сейчас, в некоей ремиссии... мы в начале пути, Евгения Ивановна... только в самом его начале...

– Я поняла, – отвечаю заторможенно и забираю документы со стола.

Они такими тяжелыми кажутся, что руку оттягивают...

Смотрю мгновение на врача в нерешительности.

– Идите домой, Евгения Ивановна, поговорите с мужем, с семьей и решайте ситуацию, скоро понадобится сумма, почитайте бумаги, там все в деталях прописано, будут вопросы – обращайтесь.

Хмурюсь. Что-то в словах врача царапает, и меня вдруг осеняет шальной идеей, которую я решаюсь озвучить...

– А что, если я еще раз использую биоматериал того же донора и таким образом рожу для Леночки родного брата или сестру?

– Интересная мысль, – спустя минуту раздумий отвечает врач. – Давайте для начала, Евгения Ивановна, вы пойдете домой, отдохнете, осмыслите все, а затем эти вопросы поднимете в центре, где и была проведена процедура. А дальше уже, исходя из ответов, которые получите, мы будем решать, как быть...

Семен Витальевич дает понять, что аудиенция окончена, я же запихиваю документы в сумку и иду к дверям, забываю даже попрощаться.

Мне кажется, что я ничего сейчас не чувствую. Не ощущаю. Будто по голове ударили. Я выхожу на улицу, сразу же порыв ветра ударяет в лицо наотмашь, а до меня доходит лишь спустя мгновение, что у меня слезы по щекам рекой.

Я не знаю, как оказываюсь в такси, просто говорю адрес – и меня буквально поглощают эмоции, я держусь из последних сил, не даю себе расклеиться, потому что сейчас ситуацию решать нужно, Лене помочь, деньги найти и решить ряд вопросов.

Прикрываю веки и пытаюсь выпечить точную структуру шагов, которые предприму, но... мне кажется, что мысли сыплются подобно карточному домику.

– Девушка, выходите, приехали... – доходит до сознания настойчивый голос, и я киваю. Кое-как оказываюсь на улице, иду по разбитому асфальту к нашей пятиэтажке.

Поднимаюсь по лестнице в подъезде, в котором четко прослеживается вонь нечистот. Едкий запах заставляет дышать через приоткрытый рот. Наконец дохожу до третьего этажа и начинаю искать в сумке ключи, цепляю их и открываю дверь...

Квартира встречает меня пустотой. Васи нет дома. Включаю свет и захожу внутрь. Прикрываю дверь – и меня вырубает. Оказавшись в родных стенах, ощущаю, что из меня будто воздух вытягивают, ноги подкашиваются, и я медленно сползаю на пол.

Рыдания подступают к горлу, сжимают его, давят на грудную клетку.

Не знаю, сколько проходит времени, прежде чем я поднимаю себя с пола и встаю, кое-как дохожу до комнаты и падаю на диван. Просто сижу и смотрю в одну точку. Вновь и вновь набираю Василия, но телефон мужа все так же не отвечает...

Я просто валюсь на диван и отключаюсь от усталости, от стресса – мой организм находит спасение во сне без сновидений, темном и тяжелом.

Как это ни странно, но сплю я неглубоко и просыпаюсь сразу же, как слышу щелчок в дверном замке.

Слышу, как муж заходит в квартиру, как тяжело брякают по полу его ботинки. Он не заморачивается, что может кого-то разбудить, в то время как я всегда на цыпочках хожу, чтобы не потревожить сон нашей доченьки или же мужа, когда он приходит уставший и заваливается спать.

В какой-то момент мне кажется, что Василий пьян, иначе я не нахожу оправданий его поведению. Не понимаю, почему он столько игнорировал мои звонки.

Неужели не забеспокоился?!

Протираю лицо ладонями, все жду, что войдет в комнату, но затем до слуха доходит, как муж идет в ванную. Я поднимаюсь и направляюсь туда же.

Рядом с ванной на полу нахожу одежду Васи, который даже не утруждает себя закидыванием грязного белья в корзину.

Обычно я не разглядываю одежду мужа, но сегодня на его майке меня привлекает пятно, я цепляю ее и поднимаю с пола, чтобы обнаружить на материи след от помады. Алой... Не моей...

Глава 4

Прикрываю веки. Делаю глубокий вдох. Облокачиваюсь спиной о стену и просто стою. Будь у меня сейчас силы, я бы, наверное, закатила скандал, устроила бы Васе разнос, потому что больно на сердце становится...

Мы столько лет вместе, семья... я всегда поддерживала его, была опорой, надежным тылом. Даже его проблемы не стали преградой.

Мы вместе обговорили ситуацию, и Вася согласился, что мы можем сделать что-то наподобие ЭКО, когда будет использован материал донора...

Словом, еще вчера мне казалось, что у меня есть семья, но в самый сложный час муж оказался недоступен...

Пока я выслушивала страшный диагноз дочери, Василий был занят... другой...

Дверь неожиданно открывается, и я встречаюсь взглядом с человеком, с которым мы клятвы давали хранить верность...

– А ты чего не на работе? – спрашивает удивленно и бросает на меня беглый взгляд.

Я же мужу в лицо смотрю. Когда-то он мне казался самым красивым. Был старше меня на пару курсов, и я буквально влюбилась в высокого блондина с первого взгляда...

Василий стал для меня первым... единственным... мы столько лет вместе, а сейчас в лицо его смотрю – и будто человек чужой совсем...

Без слов протягиваю ему майку с отпечатком губной помады.

Протягивает руку, забирает и бросает быстрый взгляд на следы, даже не пытается оправдаться, просто проходит мимо меня на кухню. В одном полотенце. Когда-то его фигура была довольно-таки поджарой и накачанной, а сейчас все поросло слоем жира.

– Где ты вчера был, Вася?

Прохожу за ним на кухню и просто задаю вопрос. Так странно, что я не плачу, не впадаю в истерику, не кричу.

Я просто задаю вопрос и вновь облокачиваюсь о стену, такое ощущение, что я на нее опираюсь, чтобы не упасть, но по сравнению с тем, что я уже перенесла и еще буду переносить из-за доченьки, измена Василия уже как-то не так сильно воспринимается, не так остро.

– Так, Жень, давай без истерик, – отвечает равнодушно и поворачивается ко мне, открывает дверцу холодильника и достает бутылку воды, пьет жадно, – башка и так трещит.

– Я всего лишь задала вопрос, – отвечаю все так же ровно и смотрю на человека, которого, казалось бы, всю жизнь люблю.

Несмотря на все неприятности, которые обрушивались на нашу семью. Сколько месяцев Вася не работал, и я одна тащила нашу семью. Ни разу слова не сказала. Просто принимала все как есть, отказывала себе во многом, пока недавно муж наконец-то не нашел приличную работу.

Ему помог один старый друг, у которого сестра на посту секретаря в одной перспективной фирме и замолвила за него словечко...

К слову сказать, у моего мужа и его мамы неплохие связи сохранились, учитывая, что покойный отец был прокурором. Поэтому и когда Василий обратил на меня свой взгляд, меня свекровь сразу же невзлюбила, так как я не подхожу ни под какие критерии для ее сына, «понаехавшая», так сказать.

– В общем, – наконец отвечает Вася спустя короткую паузу и идет в комнату, – где моя рубашка?

Задаю вопрос, и я подхожу и достаю выглаженную сорочку, отдаю мужу.

Наблюдаю за тем, как Василий начинает одеваться, а у самой сердце кровью обливается.

– И давно ты мне изменяешь? – задаю вопрос и оседаю на диван.

Вася бросает на меня косой взгляд.

– Жень, давай без драм, где он – подонок, а она – жертва, не усугубляй.

– Давно у тебя другая? – задаю вопрос с нажимом, а сама пытаюсь понять, когда именно моя жизнь рухнула, а я, разрываясь между домом и работой, не заметила этого.

– Пару месяцев, но... я ее давно знаю. И... она беременна...

Будто оплеуху мне дает...

Будто рикошетом в меня окончание фразы летит. Пулей проходит по самому сердцу. Навылет.

– Беременна? – переспрашиваю сухими губами.

– Да, дорогая, беременна! Запудрила ты мне своими врачами голову. Убедила в том, что у меня семя не работающее, а это ты просто... такая вот ущербная... с нормальной бабой все у меня работает, и залет моментальный...

Каждое слово – нож, который Вася вгоняет в самое сердце, в то, что от него осталось, а я лишь веки сужаю и на мужа смотрю... вернее, на человека, который прямо сейчас становится из настоящего прошлым.

– Я... ущербная? – задаю вопрос в шоке. – Я?!

– Да! Ты! Моя любимая от меня беременна! А ты... ты сколько залететь не могла, в итоге мне черт-те что напела и приبلудыша принесла в подоле!

Не выдерживаю. Вскидываю и замахваюсь. Со всей дури бью Васю по лицу. Наотмашь.

– Не смей оскорблять нашу дочь!

– А ты руки не распускай! В ответ прилетит, не вывезешь!

– Вася... ты слышишь себя хоть?! Ты слышишь, какие гадости мне сейчас говоришь? Это же не ты! Я не за такого мужчину замуж выходила...

Слезы у меня по щекам рекой текут, а в груди словно открытая рана, куда соль килограммами засыпают, добивая.

– Ты сам хотел ребенка. Сам поддержал врача, когда он ЭКО предложил! Сам говорил, что ребенка хочешь, чтобы именно я тебе родила... Слово дал, что никто не узнает... а сам напился и все всем рассказал за столом...

– Говорил! Слово как дал, так и взял! Ну бывает, выболтал лишнего под алкоголем, так мамка мне давно говорила, что ты от левака залетела! Ничего нового! Все знали, что у меня рога от женушки!

– Какие рога, Василий?! Ты себя хоть слышишь?!

Я смотрю в лицо собственного мужа и не узнаю его, не понимаю, как мы докатились до такого.

– Ну а что... чужой ребенок? Чужой! Мне уж точно. И уж тем более дело мутное, раз сейчас моя женщина смогла от меня забеременеть, а у тебя не получалось, то проблема в тебе!

– Василий, ты себя хоть слышишь?! Мы ведь вместе к врачам ходили! Ты сам свои анализы сдавал и ответы врачей сам слышал! Как ты можешь так?!

– Ну, ты денег дала, они и твое бесплодие мне приписали. Мамка моя дело говорит. Лимита! Что с тебя взять! И малявка твоя – приبلудыш. Нашли оленя!

– Не говори так о Лене! Не говори... так о девочке моей...

У меня слезы градом от сокрушительных ударов от человека, которого любила, близким себе считала.

Ошибалась. Прямо сейчас каждым своим словом Василий убивает все то хорошее, что когда-то было между нами, и сейчас я задаюсь вопросом, а было ли оно – «хорошее» это?!

Или все ложь...

Тру лицо и понимаю, что не на кого мне надеяться, не от кого помощи ждать...

– Слушай, в общем, Женька, надо нам разбежаться, – выдает и чешет голову.

Мне этот жест таким противным вдруг кажется. Все в Василии начинает раздражать.

– Надо, – отвечаю спокойно. Эта квартира, в которой мы живем... чтобы ее приобрести, я продала бабушкин дом в деревне, который по наследству достался, ипотеку тоже я выплачивала, а у Василия есть квартира в самом центре, доставшаяся в наследство от отца-прокурора, сейчас в хоромах его мать живет.

Я никогда и ни на что не претендовала. Никогда и ни на что. Жили скромно. Перебивались, когда муж не работал. Я никогда ему в вину не ставила, все ждала, что выправятся у Васи дела.

Вот и выправились, и вместе с должностью в жизнь другая женщина пришла... а он... выговорился, наконец, видимо, все сказал, о чем думал...

Мне вдруг становится наплевать. Если какая-то ушлая баба Васе рога наставила и ребенка приписывает ему... потому что анализы его мы в разных местах сдавали и везде неутешительными были показатели, но... я не буду Василия ни в чем убеждать и переубеждать.

У каждого свой путь, и единственное, чего сейчас хочу, чтобы Василий просто ушел и оставил меня наедине с моими мыслями и проблемами, которые я должна решать...

Но неожиданно мой без пяти минут бывший муж выдает следующее:

– Ну... тогда и ладно... собирай вещи свои и дочки, освобождай жилплощадь...

Глава 5

Кажется, что прямо сейчас он меня ударил. Сильно так, что в голове звон слышится.

– Что ты сказал? – переспрашиваю и себя обхватываю руками. Холодно становится. Зябко.

– То, что слышала, Женька. Ты с Леной освобождаешь квартиру.

Качаю головой в полном ужасе.

– Я работала на эту квартиру, я покрывала кредит... чтобы ее купить, продала дом в деревне, бабушкино наследство...

По мере того как говорю, Вася лишь пожимает плечами.

– Ну, будем судиться. Это все еще доказать нужно.

– Что доказать? Кому доказывать? Вася, ты что, с ума сошел?!

– В суде. Мне жену свою будущую нужно куда-то привести, и детскую надо привести в порядок, у меня ребенок будет.

Жмурюсь. Впиваюсь ногтями в ладони. Все, чтобы не расцарапать в кровь лицо Васи.

– А Лена?! – мой голос дрожит и наполнен болью.

– А что Лена?! – Вновь это пустое выражение в глазах. – Это твоя дочь. На алименты, кстати, можешь не рассчитывать. Ты ведь не забыла, что я сын прокурора? Знаю, как в суде свои права защищать. Сделаем ДНК-тест, и я откажусь от чужого ребенка.

– Замолчи! Просто замолчи! Лена в больнице!

Повышаю голос, я даже слышать Васю не могу! Мне противно! Противно, что этого человека я до себя допускала, обидно, что он у меня единственным мужчиной был, хочется пойти и встать под душ, смыть с себя все...

– В больнице?

Вновь по лицу Васи проскальзывает легкое удивление.

– Да. В больнице. Ситуация очень серьезная. У Лены диагноз...

– Все так плохо? – неожиданно задает вопрос Василий, и мне вдруг кажется, что человек вернулся, вернее, вспомнил он, каково это – нормальным быть...

Но через мгновение толика надежды, которая зарождается в груди искрой, затухает.

– Сожалею, Женька, но... как бы мы разводимся, и ты с дочкой своей права на эту жилплощадь не имеешь.

– С чего ты это взял?!

– Все на мамку записано, мы же так решили, чтобы облегчить ситуацию... так что собирай шмотье – и на выход. Разведемся по-тихому. Мне надо еще успеть в ЗАГС заявление подать и расписаться, чтобы ребенок в полноценной семье родился, а не нагулянным был...

Так и хочется закричать: «Вася, ты идиот!»

Но... я себя контролирую. Нельзя выходить на эмоции. Нельзя!

Закрываю лицо руками. Мне кажется, что я буквально какими-то помоями облита, моргаю.

Не выдерживаю и иду на кухню. Дрожащей рукой открываю кран и умываюсь холодной водой.

Мне нужно собраться. Нужно в себя прийти...

Слышу за спиной шаги, Вася заходит за мной, а я разворачиваюсь, капли по лицу и шее скользят, а я даже вытереться забываю.

– Говоришь, быстрый развод тебе нужен?

Вздергиваю бровь и на Василия смотрю. В душе моей поднимается самое настоящее цунами, хочется крушить все, а лучше взять спички и поджечь весь этот дом, потому что все, что здесь есть, я подбирала, я покупала!

Бегала, выбирала эти чертовые шторы со звездочками, чтобы под интерьер подходили, вспоминаю, с какой любовью оформляла комнату, когда узнала, что все прошло успешно и Леночка скоро в нашей жизни появится.

А теперь понимаю, что в моей жизни ребенок появился, а не в Васиной. Он не был готов. Ни тогда, ни сейчас. И еще вопрос, кто кого нагулял.

Но этого я ему не скажу. Пускай каждый получает рикошетом и по заслугам.

– Да, хорошо бы быстро разрулить ситуацию.

Вновь голос противный такой, визгливый, а я раньше как-то не замечала, что маменькин сынок Вася как-то и близко не был мужчиной, которого я перед своим мысленным взором нарисовала.

Прищуриваюсь. В душе тигрица просыпается, готовая защищать своего детеныша до последнего издыхания, поэтому я впираю взгляд в Василия и говорю с расстановкой:

– Ну так вот, Вася. Быстро развестись не получится, быстрый развод я тебе не дам!

Смотрит на меня секунду молча, а затем усмехается.

– Да. Особенно сейчас... когда Лена больна... я тебе всю ночь звонила... у нее очень серьезное заболевание... лечение нужно... а ты кувыркался с другой, а сейчас... вот так ставишь меня перед фактом своих хотелок?!

– Слушай...

– Нет, это ты послушай! Мне отсюда некуда уходить! Чтобы эту квартиру купить, я корячилась на нескольких работах, продала дом бабушки и...

– И квартира в ипотеке, к тому же все оформлено на мать мою.

Взгляд Васи становится цепким. Он будто собирается. И это его «мать» в корне отличается от привычного «мамка». Не знаю, откуда это слово в лексиконе у столичного жителя, но... вмиг Василий меняется, и я окончательно понимаю, что совсем не знаю мужчину, с которым жила...

– Так что против закона ты не пойдешь, Евгения.

– Лена больна, она твоя дочь... по документам...

Вновь усмехается, и взгляд становится совсем темным.

– Эти документы, в которые ты не особо заглядывала, имеют интересные пункты, которые говорят о том, что у вас с твоей дочерью нет никаких прав ни на что. Более того, я не являюсь отцом Лены и собираюсь урегулировать этот вопрос также в суде. Мой тебе совет: собирай вещи подбру-поздорову и просто исчезни из моей жизни. Можешь возвращаться в свой Мухосранск, или откуда ты там...

– Я продала дом бабушки... – вновь выговариваю как-то потерянно, понимая, что у сына прокурора весьма хорошие связи и его угрозы не являются голословными.

– Доказать еще надо. Процесс будет долгим, а эта жилплощадь принадлежит моей матери, которая по доброте душевной позволила нам здесь жить, так что... у тебя шансов нет, Женя.

– Есть. И отсюда я не уйду! Не сейчас, когда мне нужно решать, что делать с дочкой, за жизнь ее бороться. У тебя вообще сердце есть, Вася?! Наша дочка больна, а ты...

– Твоя дочка.

– Что?

– Я говорю: твоя дочка, не моя. У нас здоровый ребенок родится.

Опешив от слов Василия, моргаю раз-другой, а затем выпаливаю:

– Ты в своем уме?! Как у тебя язык поворачивается такое говорить?! Ты вообще человек?!

– Послушай, хватит! – поднимает руки. – И так башка болит, еще и ты со своими визгами. У меня просто дар речи пропадает от такой бесчеловечности.

– Я все сказал. У меня связи. Рычаги. Если захочу, вообще сядешь у меня куда-нибудь за что-нибудь. Ты не шути со мной, Женя. Я добрый-добрый, но за свое зубами рвать буду. Квартира моя, а ты свободна. На этом у меня все.

Разворачивается и идет в коридор, затем в спальню. Показательно валится на кровать, давая понять, что разговор окончен.

– Ты не можешь так поступить со мной. С моей девочкой... Вася... я не верю, что это ты... тебя словно подменили...

– Могу и поступаю. Мне мать давно говорила, что нечего связываться с лимитой, но я как-то был ослеплен твоей красотой, ты же была красавица, Женя, глаз не оторвать, я, как тебя увидел, поплыл, а сейчас... посмотри на себя сейчас.

Бьет словами наотмашь, а я почему-то в зеркало взгляд упираю, в трюмо, на себя смотрю, бледную, осунувшуюся, с длинными волосами, которые все последнее время я либо в хвост собираю, либо в гульку.

Из зеркала на меня смотрит молодая женщина с глазами, которые блестят, как у больного при температуре, в потертой одежде, которую хочется поправить...

– А вот в моей любимой есть лоск, стиль... маникюр, укладка, педикюр...

– На все эти маникюры-педикюры, Вася, деньги нужны, которые в нашей семье до недавних пор зарабатывала только я!

– Хватит мне этим козырять. У всех бывает кризисный период, семья на то и семья...

– Чтобы поддерживать друг друга?! – заканчиваю за своего без пяти минут бывшего мужа, а сама так и хочу запрокинуть голову и расхохотаться. – Так ты считаешь?! А где же наше «и в богатстве, и в бедности, и в здравии, и в болезни»? Или у тебя все выборочно работает, а?!

7.27

– Не дави на жалость. Давно надо было нам разбежаться. Еще до всей этой канители...

– Я буду биться за свое, Василий, просто так тебе все это с рук не сойдет! Есть закон, и суд поддержит мать, учитывая, что ты давал на все согласие, а в графе «отец» в свидетельстве о рождении Лены твои имя и фамилия стоят!

Прищуривается. Не нравится то, что я говорю. и Вася руки на груди перекрещивает. Выпячивает подбородок вперед.

– Ну, суд так суд. Только, я надеюсь, ты помнишь, какие у меня связи, и, когда я тебя засужу, – не обижайся.

Прикрываю веки, делаю глубокий вдох.

– Мне некуда идти, Вася, дочка в больнице, нужны большие деньги, люди, чтобы своих детей спасти, все продают – квартиры, машины... там миллионы нужны, как мне врач наметнул...

Слезы все-таки скатываются по щекам, когда я в пустые глаза своего будущего бывшего мужа смотрю.

– Эта квартира принадлежит моей матери, и, если ты хоть на мгновение подумала, что можешь ею распоряжаться, чтобы лечение оплатить, – разочарую. Права не имеешь, даже если попытаешься что-то доказать, то только в суде, а процесс будет длительный, и ты все равно проиграешь, даже без моих связей по документам все принадлежит матери моей, так что иди и ищи деньги в другом месте.

Меня тряска начинается. Кажется, что я вообще не знаю человека, который стоит передо мной. Это не мой муж. Его заколдовали. Одурманили. Промыли мозги. Все что угодно, но тот парень из моих воспоминаний и вот этот бесчувственный и жестокий человек не имеют между собой ничего общего.

Наконец Василий будто устает от меня, от моих эмоций, разворачивается и подбирает свой мобильный телефон.

– Кому ты звонишь? – спрашиваю в ужасе, мне уже кажется, что в полицию, чтобы меня вывели.

– Матери звоню.

Отвечает коротко, а я лишь моргаю непонимающе, спустя пару секунд только задаю вопрос:

– Зачем?!

Вася отлипает от телефона и пожимает плечами. Вроде все те же повадки, привычки, но во мне рождается четкое омерзение.

– Мать сказала, что если возникнут проблемы и недопонимание, то она поможет разрешить конфликт быстро.

– То есть твоя мать обо всем знает?! – выпаливаю и уже понимаю, что ответ будет положительным, еще до того, как его озвучивает Вася.

– Да. Именно так. Я ей сказал, что у меня другая есть и что тебя я пока жалею, хотел подготовить. Все-таки не первый год вместе, но...

Тру лицо ладонями, мне так плохо становится...

Кажется, что я застыла в каком-то театре абсурда. Мой муж зовет на помощь мамочку, чтобы она выставила за дверь законную жену...

Бред сумасшедшего...

– Не стоит звонить, – выговариваю спокойно. Просто отмирает все внутри. Я смотрю на человека, которого любила, и ощущаю, как нить между нами рвется, словно кто-то просто щелкает ножницами – и все исчезает.

Остается лишь мерзкое послевкусие, а я понимаю, что не достучаться. Не дозваться. Да и не хочу на это свои силы тратить, энергию.

Она мне еще понадобится, чтобы Лену спасти.

– Дай мне пару дней – и больше ты меня не увидишь, – наконец выговариваю и в глаза мужа смотрю.

– В смысле, пару дней? – вопрошает удивленно.

– В прямом. Чтобы я поняла, что и как делать, а главное – куда идти. Или ты хочешь, чтобы я с больным ребенком на улице жила?!

8.29

Пожимает плечами. Дает понять, что ему глубоко безразлично, где и как я буду жить.

– Послушай, знаю я эти байки, ребенком будешь прикрываться и в итоге в эту квартиру зубами вцепишься. Никаких дней я тебе не дам! Так что советую быстренько собрать вещи, потому что, если начну за тебя собирать я...

Делает многозначительную паузу и бьет словами наотмашь:

– Тебе не понравится, как именно я это буду делать...

– Гори ты синим пламенем! Надеюсь, тебе за все воздастся! – кричу в отчаянии.

Меня выбрасывает в какое-то шоковое состояние дикой истерики, когда толком и сообщить не могу...

Перед глазами одно багряное марево.

– Отмаялся уже с тобой, бесплодной! – выкрикивает мне в ответ. – Чтобы тебя здесь через два часа не было!

Мой муж выходит из комнаты и хлопает дверью так, что у меня звон в ушах. Не знаю, в какое шоковое состояние я погружаюсь, но мне кажется, что кто-то меня душит, накинуд удавку на шею...

Удар за ударом. И люди, которые должны были разделить горе, поддержать, попытаться вместе решить ситуацию, только ударяют в спину и проворачивают нож...

Не знаю, на каком именно автомате я достаю чемодан и начинаю складывать в него вещи...

Просто в какой-то миг понимаю, что ничего не хочу. Не хочу находиться здесь, не хочу, чтобы Вася хоть каким-то боком был в нашей с Леной жизни.

Моя дочь... только моя, и я вытащу ее... всеми силами бороться буду... но сейчас... сейчас я в трансе каком-то. Руки работают, в то время как разум и сердце будто отключены.

Возможно, так мой организм борется со стрессом, возможно, это защитные механизмы, которые не дают слететь с катушек.

В себя прихожу, как только чемодан захлопываю...

И понимаю, что из дома вышла...

Я даже не помню, как спускалась по лестнице. Просто в какой-то момент нахожу себя на улице, ветер ударяет в лицо и царапает холодом, а я просто иду вперед и тащу за собой объемный чемодан...

О том, что ушла из дома, который по всем законам должен принадлежать мне, я подумаю позже. Сейчас не могу. Просто не могу...

Мне кажется, что я перестаю чувствовать. Только холод в груди растет и появляется какая-то заторможенность. И вновь в себя прихожу только от назойливой трели.

Сначала кажется, что это Вася звонит, что я просто с ума сошла от горя и все это мне приснилось, захотелось просто проснуться и найти себя в постели, под теплым боком мужа, который верен, чтобы в соседней кровати тихо сопела Леночка, абсолютно здоровая моя непеда...

Даже щипаю себя за руку, но сон не развеивается, я не просыпаюсь, а звонок телефона не превращается в трель утреннего будильника.

Не сон. Кошмар наяву.

Наконец, замешкавшись, достаю телефон из сумки, отвечаю.

– Жень! Ну как ты там? Как Лена? Я места себе не нахожу... – голос моей коллеги Лики наполнен тревогой, и он, словно спусковым механизмом, запускает истерику.

Я плачу навзрыд.

– Все плохо... Лика... Очень плохо... – выговариваю и делаю шаг вперед, чуть не оказываюсь под колесами автомобиля, который резко сигналит, и в последнюю секунду перед столкновением я просто отскакиваю.

– Ты... Где ты, Жень?! Ты что, на улице?!

Голос подруги наполнен тревогой.

– Я?! – переспрашиваю запоздало, – да... на улице...

– Черт?! Жень, ты что, пила?! Мужу звони немедленно. Где ты?!

На этих словах меня на истерику прорывает, и я просто хохотать начинаю.

– А нету у меня больше мужа, Лик, выгнал он меня...

– Что?! Как?! Как выгнал?! Ты же упакивалась, чтобы кредит выплачивать! Все на тебе было...

– Все на его мать оформлено, – отвечаю спокойно.

– Я не понимаю, Жень! Где ты?!

Останавливаюсь посередине улицы, смотрю по сторонам, а потом и вовсе сажусь на свой чемодан, отвечаю, пожимая плечами, как если бы Лика могла бы меня видеть.

– Я не знаю... на улице...

– То есть... ты сейчас не шутишь?!

– Нет. Я теперь бездомная...

Всхлипываю. Слезы вновь по щекам.

– Мне Лену спасти надо... Доченьку... а он сказал, что это я бесплодная... что у него ребенок будет...

Меня буквально разрывает на эмоции, они затапливают, и я понимаю, что не выдерживаю.

– Так! Сейчас разберемся.

Собранный голос и щелчок, как если бы Лики выхватила ключи.

– Адрес конкретный назови. Где ты сейчас.

Вновь пожимаю плечами и смотрю по сторонам. Взгляд выхватывает номер дома и название улицы, которые я называю.

Надо же... как далеко я дошла, а сама даже не заметила. Все урывками. Будто кадры вырваны из фильма...

– Сиди там! С места не двигайся! Я сейчас приеду! – командный голос Лики, и коллега отключается, а я запрокидываю голову и смотрю в темное мрачное небо...

Единственное, о чем думаю, что держит и не дает сломаться окончательно, – это понимание, что я нужна своей девочке...

Глава 6

– Рассказывай! – заявляет подруга, ставя с громким стуком чашку на кухонный стол, а я забираю горячий чай и руки пытаюсь согреть. Такое ощущение, что я просто ледяная изнутри. Замершая.

– Так, Женька, давай. Как там, в фильме? Слезами горю не поможешь... Выкладывай, вместе думать будем.

Лика убирает локон за ухо и садится напротив. Сегодня выходной, и Лика в спортивном костюме и с гулькой на голове отличается от коллеги, которая без укладки ни разу на работе не появлялась.

– С чего начать... сама не знаю...

Выдыхаю тяжело. Делаю глоток, который язык обжигает, а Лика пиалу с вареньем в мою сторону подталкивает и печенье.

– Не могу есть. Не хочу.

Отказываюсь.

– Ты бледная вся. Что твой мудак учудил? – спрашивает зло. – Почему с одним чемоданом на улице оказалась?!

И я начинаю рассказывать... Слова сами начинают будто ручеек журчать, и я выговариваюсь... Ничего не таю. Абсолютно все выкладываю. И о состоянии Леночки, и о том, что отец нужен биологический, и о том, что у Васи любовница беременная и меня из квартиры он выставил... о его угрозах также рассказываю...

– Это незаконно! Он – урод! – выпаливает подруга, потом резко встает и по кухне круги наматывает. – И ты – дура! Доверчивая! Святая! Дура! Кто же в наше время так доверяет, а?!

– Лик... – отвечаю тихо, – мы семьей были... я думала... что наконец-то обрела близкого человека, я... ведь одна была всегда...

– Дурочка ты, – отвечает смягчаясь и обнимает меня, – добрая душа... только в наше время этому только одно определение – дурында...

Всхлипываю и улыбаюсь. Горько, правда.

– Мне наплевать. Пусть все забирает и подавится. Мне бы только доченьку спасти...

– Ага. Все забирает. Сейчас! Как же! Тебе, дорогая моя, адвокат нужен, нормальный, чтобы с потрохами Васеньку твоего сожрал с его долбанутой маман и не подавился! Без штанов уродо этого оставить надо! Пускай голожопый идет к своей беременной любимой, и посмотрим, сколько продлится их истинная любовь, которая плоды дала столь поспешные, хотя насчет последнего я бы засомневалась... с диагнозами твоего Васька...

– Мне на это сейчас плевать! Главное – Лена! Ее отца нужно найти – это первостепенное... Я сейчас соберусь и в клинику пойду! Благо успела все документы, все, что необходимо, забрать...

Лика хмурит брови и кивает. Понимает меня.

– Ты мать, Женька. Хорошая мать, я понимаю... Но... ты ведь знаешь, что на то ты и взяла биологический материал неизвестного донора... информация эта конфиденциальная...

– Конфиденциальная, но я попытаюсь достучаться. Доктор Никуленко хорошим человеком мне показался, может... он войдет в положение... Вопрос жизни и смерти ведь... Жизни маленькой девочки, моей дочери...

Слезы вновь по щекам текут, а Лика наливает себе еще чая и кусает печенье, смотрит на меня с жалостью.

– Ты давай, иди-ка, подруга, в душ, приведи себя в порядок. Я тебя повезу в клинику твою.

– Спасибо, Лик... я... не знаю, как отблагодарить...

Отмахивается.

– Сочтемся, пока в комнате мелкой моей поспишь, она как раз укатила на месяц со своими в командировку, пустует сейчас, а там решим...

Ли́ка старше меня, и значительно, но выглядит совсем не как мать взрослой дочери и чокнутого подростка, который, как только мы вошли, заперся в комнате, слушая музыку в своих наушниках так громко, что на расстоянии слышно.

– Стас! Сбавь громкость! Оглохнешь! – кричит Ли́ка, а затем переводит взгляд на меня.

– Он у меня немного сложный. Обожает хард-металл и компьютеры...

– Юный программист? – пытаюсь хоть немного поддержать беседу.

– Если бы... – отвечает, выдыхая...

Я принимаю наспех душ, меняю одежду и завязываю волосы в высокий хвост. Собираюсь минут за двадцать, и мы вместе с подругой едем в клинику, которая помогла с зачатием Леночки. Как только Ли́ка паркуется, я вижу доктора Никуленко, который спешит на работу, выбегаю за ним.

Мчу вперед, не видя ничего.

– Гаврил Степанович, здравствуйте!

Кричу – и мужчина тормозит, оборачивается и окидывает меня внимательным взглядом. Не сразу узнает будто.

– Я Евгения Ивановна Иванова... вы...

– Помню, – отвечает спокойно, – у меня фотографическая память.

Идеальный костюм, который виден под незастегнутым пальто, и немного высокомерный взгляд.

– Можно мне с вами поговорить, доктор? – спрашиваю с надеждой, и мужчина морщится.

– Запишитесь на прием, Евгения Ивановна...

– Не могу, доктор, вопрос жизни и смерти! Поверьте... мне нужно срочно с вами поговорить...

Прищуривается на мгновение и на меня внимательно смотрит.

– В чем вопрос?

– У моей дочки заболевание... нужно найти ее биологического отца! Только так можно спасти Лёну...

Стоит выговорить, как слезы по щекам идти начинают...

– Сожалею. Ничем не могу помочь. Эта информация конфиденциальна, – отвечает врач и идет вперед, а я поверить не могу в то, что слышу, бегу за ним, пытаюсь не отставать от быстрого шага.

– Доктор! Я прошу вас! Моя дочка умрет... вы понимаете?!

Нагоняю врача у входа в клинику, и он бросает на меня внимательный и цепкий взгляд. На секунду кажется, что нечто человеческое проскальзывает в голубых глазах, но уже в следующий миг мужчина отрезает:

– Сожалею. Это не в моей компетенции. У нас полная конфиденциальность.

Врач проходит в клинику, оставляя меня, разбитую, за своей спиной, а я смотрю ему вслед и не могу понять, что именно сейчас произошло...

– Ну что?! – слышу позади голос Ли́ки, вздрагиваю и оборачиваюсь.

– Сказал, что информация конфиденциальная... – отвечаю – и слезы по щекам ручьем...

Ли́ка кивает, а сама взгляд переводит мне за спину. Срывает объявление со столба, вчитывается и поднимает на меня внимательные глаза:

– Думаю... этот запрет мы сможем обойти...

– Что?! – переспрашиваю, но Ли́ка качает головой.

– Жди меня здесь, – отвечает бодро и смело заходит в клинику, я же замираю и смотрю сквозь стеклянные двери, как моя подруга уверенно направляется в сторону ресепшен, как

начинает что-то обсуждать с сотрудницей клиники, а потом та ей передает какие-то бумаги и Лика, улыбнувшись, начинает их заполнять...

Я настолько подавлена, что не могу ничего понять, а Лика возвращается минут через сорок, когда я, уже устав ждать, сажусь на скамейку и гипнотизирую взглядом вход в клинику.

– Ну вот и все! – спокойно выговаривает подруга, когда ко мне подходит.

– Лика... объясни... я не понимаю, ты вообще о чем сейчас?

– Я устроилась на работу уборщицей. У них какой-то аврал, вот и с легкостью приняли нижнее звено на работу, благо опыт у меня как раз имеется... Приходилось в свое время подрабатывать...

– Что ты сделала? – ошалело моргаю, но подруга цепляет меня за руку и ведет за собой в машину.

– Пошли. Не нужно здесь отсвечивать, поговорим по дороге...

Киваю, соглашаюсь и буквально бегу за Ликой, которая садится за руль и сразу же цепляет телефон.

– Зайчик мой, ты дома?

Ставит на громкую, выруливая на трассу, и я слышу недовольное бурчание.

– Мама... я просил так меня не называть?!

– Стас, ты дома? – вновь спрашивает.

– Да. Пока дома.

– Хорошо, подожди меня, у меня к тебе вопросы...

– Мать... я ничего не делал! И менты вообще на этот раз не ко мне приходили... у нас в доме алкаши дебоширили, по их душу... – сразу же начинает оправдываться сын Лики.

– Стасик, я сейчас домой приеду, и мы с тобой в деталях поговорим о том, когда и почему к тебе приходили полицейские в прошлый раз, а главное – почему я об этом ни сном, ни духом!

– Черт! – бурчит вновь в трубку. – Мать, все нормально... когда я грабану банк, обещаю, поставлю тебя в известность...

– Станислав Витальевич!

– Ладно, мам, шучу я, шучу! Я скорее на наши структуры работать буду...

– Ты уроки сделал? – меняет тему подруга.

– Давно, что там их делать-то, тупизм один...

Явно цепляется к словам сын Лики, а я понимаю, насколько это сложно – быть матерью подростка, а ведь Станислав очень перспективный молодой человек. Еще пару лет назад я помню, как мы отмечали, когда он международную олимпиаду по программированию выиграл, Гран-при взял, и мы праздновали, ждали, ведь талантливый парнишка должен был поехать в Европу на обучение, но...

Все пошло наперекосяк, им завернули документы, Стаса не пустили, а потом он узнал, что вместо него поехал сын директора школы...

Вот так... была ли это случайность?

Стас уверен, что нет. Лика тоже, но... парень сильно обиделся, а спустя пару месяцев этого директора сняли с поста, так как в сеть какая-то информация проскользнула, которая очень сильно ударила по репутации мужчины...

Пришел новый директор, но с тех самых пор Стас стал сложным ребенком, или это его переходный возраст...

Не знаю. Не углублялась в вопросы семьи Лики, но Станислав... он... немного гений, наверное, а они всегда нестандартные и очень сложные в общении...

– Хорошо, сынок, никуда не уходи, скоро дома буду...

– Окей, муттер, жду тебя...

Выключает телефон и откладывает, выруливая в сторону дома.

– Сложно с ним?

Ли́ка пожимает плечами.

– Он у меня хороший, но немного сумасшедший... – отвечает улыбнувшись, а в глазах тепло, и улыбка на губах.

– Лик, ты так и не сказала, что именно делала в этой клинике? – спрашиваю в нетерпении.

– Пстой, Женька, всему свое время, сейчас у Стасика кое-что спрошу, а там посмотрим...

Киваю. Вновь бросаю взгляд на Лику и выговариваю тихо:

– Спасибо тебе... за все... за помощь и поддержку... я не знаю, что бы я без тебя делала...

– Не бери в голову. Ты, Женька, вспомни, сколько раз меня спасала, зад мой прикрывала перед начальством.

– Я просто помогала... ты делаешь куда больше...

– Да прекрати! Когда дети мои болели, именно ты за меня всю работу выполняла. Помню, когда я со Стасиком в больнице лежала, ты мой проект вытянула, еще и так прикрыла меня, что мне премию выписали... за работу, которую от и до ты сделала...

– Твоего ребенка оперировали, неужели думаешь, что кто-то мог бы тебя уволить за то, что не выполнила работу в срок... – отвечаю горько, ведь сейчас мой ребенок в больнице, а я... я все бегаю как ужаленная, а решение найти не получается...

– Еще как бы выгнали, та же Иванько воспользовалась бы случаем, чтобы меня подсидеть. А ты... ты мне тогда карьеру спасла, потому что никому не нужны матери-одиночки с больными детьми... – выдыхает в сердцах, и я вздрагиваю.

– Ой! Женька! Прости! Я не то имела в виду... – спохватывается, а я улыбаюсь горько.

– Я понимаю, о чем ты, Лик, все хорошо... я верю, что прорвемся, что справимся...

– Конечно. Ты хороший человек, Женька. Ты всегда помогала, всегда. Кто бы к тебе ни пришел, никогда не отказывала. А со мной, когда я со Стасом маялась, ты даже не пискнула недовольно, а я добро помню. В этом сумасшедшем мире мало кто так может поступить...

– Смущаешь меня, – отвечаю тихонечко.

Ли́ка же улыбается и бросает на меня внимательный, подбадривающий взгляд:

– Нет. Просто хочу должок вернуть и, кажется, знаю, как именно...

Глава 7

Мы поднимаемся в квартиру, и Лика, открыв дверь, сразу направляется в комнату сына, а я за ней. Не могу отделаться от чувства, что эта срочность связана с тем, что Лика делала в клинике.

– Так, сына, помнишь, мама говорила не общаться с китайскими хакерами? – сразу же деловому начинает подруга, и ее сын слегка приподнимает брови. В целом он очень напоминает саму Лику, только волосы темнее и в каком-то художественном беспорядке, как будто его не стригли, а просто кто как успел, так ту прядь и отрезал.

– Ну, помню. Я не общаюсь, мать. Ну, опять не начинай...

– Так вот, – многозначительно изрекает Лика, – надо, чтобы ты с ними пообщался!

– Не понял, – по удивленному лицу Стаса проскакивает улыбка, – мать, ты в показаниях путаешься...

– Не путаюсь. Сейчас нам с Женей нужны твои связи. У нее дочка в больнице, и по ответам анализов Женя не может быть донором. Нужен биологический отец. А он... он в базе данных. Вот тут.

Лика кладет те самые бумаги, которые ей отдали на ресепшен.

– Если что, я туда оформилась уборщицей, если нужно что-то в здание пронести, или кого-то провести... я могу...

На этих словах сын Лики запрокидывает голову и начинает смеяться.

– Муттер, ты пересмотрела шпионских фильмов из прошлого века...

Отсмеявшись, парень даже слезы утирает.

– Сейчас какой век? Все автоматизировано. Чтобы хакнуть корпорации в других странах, флешки-шмешки, жучки-паучки не нужны, или что ты там себе напридумывала. Достаточно иметь выход в интернет и сервера, которые можно подсесть.

По мере того как парень говорит, я понимаю, что сын Лики не просто понимает в вопросе...

– Твои товарищи смогут помочь? – спрашивает наконец Лика, и Стас вновь смотрит на бумаги, которые перед ним сложила мать.

– Сколько у нас времени? – задает резонный вопрос.

– Его нет, – отвечаю тихо, – очень срочно...

Кивает.

– Мам, вы посидите, чайку попейте с Женей, не мешайте мне, я пробую с ребятами, перетру... И паспорт можно? Чтобы знать, что именно искать...

Киваю и достаю свой паспорт, оставляю парню, а сама иду за Ликой, которая деловито ставит чайник и наливает нам чай.

– Лика... спасибо...

Выговариваю тихо и руки на груди складываю. Подруга ставит передо мной чашку и печенье, к которому я не притрагиваюсь. Нервно тереблю пальцы.

– Попей, Жень. Успокойсь.

Киваю и делаю глоток. Меня буквально потряхивает от нервного напряжения. Зубы стучат, и в висках сильно ломит. Я себе места не нахожу, не знаю, сколько времени проходит, чай уже остывает, как вдруг на кухню приходит Стас.

– Ну что?! – спрашивает Лика и тоже поднимается, парень же ставит передо мной мой паспорт.

– Все.

– Что... все?!

Спрашивает Лику, а чувствую, как внутри очередная надежда ломается. Неужели я могла поверить, что паренек, сын моей коллеги, может помочь в таком деле...

– Ничего страшного, Стас, спасибо тебе огромное за помощь... – пытаюсь улыбнуться дрожащими губами, но неожиданно парень подмигивает и ставит передо мной ноутбук.

– Вот вся база. Тут все слили. И есть все относительно донора...

Смотрю на строчки – и перед глазами все прыгает.

– Боже... Стас! Спасибо!

Подрываюсь с места и обнимаю парня.

– Спасибо! Ты не представляешь, что это для меня значит...

– Только у вас проблемы, – отвечает Станислав, когда я отлипаю от парня.

– Какие проблемы? – спрашивает Лику, нахмурившись.

– С донором. Я пробил фамилию, имя, отчество и, в общем...

Тыкает на экран ноутбука – и на весь экран высвечивается фотография мужчины. Твердый взгляд. Волевое лицо. Соболиные брови взлет над пронзительными яркими глазами. Смоляные волосы...

От этого человека веет властью. Деньгами. Мощью. Мужественностью. Даже через экран ноутбука.

– Кто это?!

Спрашиваю, до конца не веря в то, что услышу.

– Это и есть донор. Владимиров Аркадий Демидович. Владелец судов-пароходов... и далее по списку. Короче... миллиардер...

По мере того как Стас вещает, у меня ноги слабеют, и я падаю на стул. Вновь смотрю на фото мужчины, и сердце сжимается, потому что... я улавливаю сходство...

Моя Леночка... чем-то неотвратимо похожа на этого мужчину...

– Как такое может быть?

Парень пожимает плечами.

– Может, это какая-то шутка? Ошибка? Зачем олигарху становиться донором?!

– Информация стопроцентная. Не могу сказать, что там в голове у безбожно богатых, что сподвигло на такое решение. Но есть и хорошие новости.

– Какие? – в полном шоке смотрю на парня.

– Я знаю, где именно он сегодня будет. И более того, я пробил на твои паспортные данные пригласительный.

В шоке смотрю на парня, затем – на не менее опешившую Лику.

– Сегодня вечером открытие галереи. Он там обязан присутствовать, так как является соучредителем, так сказать. Это единственный шанс встретиться с этим Владимировым, потому что у него дальше открытие филиала в Китае, обязан быть...

– Хорошо, – отвечаю едва слышно, – я пойду... какой там адрес у галереи этой?

Перевожу полный отчаяния взгляд с Лику на ее сына.

– Не так все просто. Дресс-код там будет. Нужно, чтобы охрана тебя пропустила.

– У меня есть костюм – тот, бежевый, я его на встречи надеваю важные, – подает голос Лику, и я заторможенно киваю.

– Ну вот и ладушки. Мать, мне пора. Я с пацанами встречаюсь. На скейтах погоняем...

– Будь осторожен!

– Оки-доки, – отвечает Стас и оставляет нас, я же в полнейшем шоке валюсь на стул. Смотрю невидящим взглядом перед собой.

– Что мне делать?!

Задаю вопрос в космос, не ожидая, что получу ответ, но вместо провидения мне отвечает Лику:

– Воевать. За дочку, Женька. За себя. Этот мужик нужен твоему ребенку, потому что ты ей в доноры не подходишь. Нужен отец. Не мне тебе объяснять.

Поднимаю глаза, полные слез, на Лику:

– А если он откажется? Если не поверит? Что, если...

– Без если, Женька! Тебе нужен этот олигарх, и ты должна с ним встретиться.

Киваю на слова Лики и понимаю, что это действительно так.

Я сделаю все для того, чтобы дочку свою спасти!

Абсолютно все.

И вот я уже стою у входа в галерею. На каблуках и с легким макияжем, который мне сделала Лика.

Сердце бьется в груди как сумасшедшее, когда меня пропускает пункт охраны и я ступаю по мраморному полу, но я ни картин не вижу, ни скульптур...

Только человека, который стоит в центре зала в окружении людей, что снуют вокруг него, будто подданные вокруг царя...

Другого сравнения у меня нет...

И я медленно иду в сторону мужчины, широкоплечего и мощного, его профиль пока еще только вижу. Резкий. Острый. И понимаю, что вот он... тот самый мужчина, который является донором.

Именно в его руках жизнь и судьба моей дочери...

Я на негнувшихся ногах пробираюсь сквозь толпу и иду именно к Аркадию Владимирову.

Стоит приблизиться к возвышающемуся над всеми почти на полголовы образчику власти и денег, как мужчина резко, будто учуяв мои намерения, поворачивается ко мне и рассматривает с высоты своего роста.

Что-то в нем звериное есть. Страшное. Темное. Но... я уже ничего не боюсь. Я чувствую себя ходящим над пропастью эквилибристом, когда сглатываю и произношу:

– Аркадий Демидович... Вашей дочери нужна помощь. Прошу. Помогите...те... – хриплю с отчаянием, сердце кровью обливается...

– Моей?! – уточняет иронично, явно не верит.

– Да... вашей... и моей доченьке Леночке нужна помощь... она в больнице.

Миллиардер вскидывает бровь. На холодном лице впервые проскальзывает эмоция, очень похожая на удивление.

– Не понял. То есть...

– Да... я родила вашу дочку... – губы дрожат, но паника и отчаяние придают сил.

Вновь эти цепкие ледяные глаза скользят по моему лицу, будто сканируют, оценивают.

– Я не помню, чтобы с тобой спал, – выговаривает ровно, бьет словами наотмашь, а у меня слезы из глаз ручьем.

– Вы и не спали... Мне сделали ЭКО...

Мужчина рассматривает меня секунду-другую. А меня от этого ледящего душу взгляда буквально тряссти начинает.

Если бы не страх за Лену, я бы никогда не осмелилась не просто заговорить, на пушечный бы выстрел не подошла, потому что есть в нем что-то притягивающее и отталкивающее одновременно...

– Помогите... прошу... – выговариваю хрипло.

Аркадий вновь окидывает меня цепким взглядом с головы до пят, будто оценивая, затем следует лишь один кивок – и из толпы появляются люди в пиджаках, только вот кобура под ними не оставляет сомнений в том, что это охранники, исполняющие приказ босса, который как раз озвучивает мой приговор:

– Проводите девушку в мою машину. Как выясняется, у меня есть о чем с ней поговорить...

Глава 8

Два амбала становятся по обе стороны от меня, а я в слезах смотрю на Аркадия, которого отвлекает мужчина тучного телосложения:

– Аркадий Демидович! Поздравляю!

Бизнесмен теряет ко мне всяческий интерес и делает пару шагов навстречу мужчине, который буквально излучает какое-то приторное раболепие, а вот спутница модельной наружности этого толстяка бросает на Аркадия какие-то чуть ли не плотоядные взгляды.

Улыбается во все свои белоснежные зубы, чувственно раздвигая достаточно пухлые губы в улыбке.

От того, как именно смотрит эта женщина на бизнесмена, мне дурно становится. Складывается впечатление, что стоит Владимирову щелкнуть пальцами – девушка позабудет, кого именно сопровождает на этом вечере.

Я же смотрю вслед удаляющейся фигуре миллиардера и не могу поверить, что он настолько хладнокровный, что, услышав такую информацию о собственном ребенке, продолжает как ни в чем не бывало вести себя.

– Но...

Подаюсь вперед, хочу еще раз поговорить, убедиться, что меня поняли. Только вот обступившие меня охранники даже дернуться не дают. Один из них сцепляет сильную руку на моем локте.

– Без лишних движений и без криков. Следуйте за нами.

– Руку отпустите, пожалуйста, – поворачиваю голову и смотрю в холодное, равнодушное лицо цепного пса миллиардера.

– Не советую делать лишние движения. Вы не успеете даже пикнуть, как потеряете сознание.

И столько льда в голосе, что сомнений не остается: это не угроза, а просто констатация дальнейших действий.

– Пройдемте с нами, – вновь спокойный безэмоциональный голос, и я киваю. Плетусь за мужчинами, которые таранят толпу.

Я сквозь пелену слез вижу множество лиц. Все они смеются, улыбаются, поднимают бокалы с шампанским, салютуют кому-то, и остаются совершенно безучастными к судьбе рыдающей девушки, которую проводят сквозь толпу.

Мне кажется, что я попала в какой-то театр сюр и лжи, где за глянцевыми обертками скрываются уродливые гримасы.

Наверное, я все-таки слишком устала. Мне кажется, что моя жизнь закручивается в какую-то воронку и меня все больше утягивает на дно. Но я готова бороться, готова выплывать, чтобы спасти свою девочку.

Пусть этот мужчина просто согласится помочь... Больше ничего не нужно, только его биоматериал...

А что, если не подойдет?! Как я могу быть уверена, что именно Владимиров может стать донором для моей Леночки, ведь врач ясно дал понять, что нужно провести анализы на совместимость...

Слишком много вопросов, которые обрушиваются на меня, сгибая под своей тяжестью.

Я же... не знаю, как быть. Что делать... Но задачи нужно решать по мере их поступления.

На данный момент мне нужно как-то договариваться с этим миллиардером, от которого у меня просто мороз по коже.

В какой-то момент замечаю, что мужчины, сопровождающие меня, сворачивают и выводят не через парадный вход, в который я вошла. Меня проводят сквозь какой-то безлюдный

коридор, где лежат огромные коробки с каким-то полиэтиленом... Затем подводят к железной двери, открывают — и я попадаю на задний двор, где неподалеку стоит мусорка.

Сглатываю. Сразу же вечерний холод проскальзывает под тонкую ткань костюма, вздрагиваю.

– Прошу сюда.

Вроде бы и просьбу высказывает охранник олигарха, но у меня остается твердое ощущение, что шанса на отказ у меня нет.

Мужчина указывает на припаркованный седан премиального класса со знаком на капоте, при виде которого я гулко сглатываю. Такая машина стоит как несколько операций моей дочери...

Прикрываю веки, чтобы избавиться от пелены слез, и иду в сторону машины. И вновь охранник Владимирова галантно открывает мне дверь и захлопывает ее за мной, когда я оказываюсь в пустом кожаном салоне.

Сразу же становится зябко, хотя здесь очень даже тепло. Я осматриваюсь и замечаю воду в специальной нише. Весь салон сочетает в себе дорогие материалы, и по некоторым элементам течет, переливаясь, неоновый свет. Такое ощущение, что эти прожилки – яркие камушки, которые привлекают к себе внимание.

Провожу пальцем по кремовой коже, затем по вставке из темного дерева, кажется, красного, дорогие материалы...

Я специально концентрирую внимание на мелочах, чтобы с ума не сойти, чтобы не забиться в истерику, потому что конкретно сейчас я оказалась в запертом пространстве, а этот дорожный автомобиль стал моей временной тюрьмой, не иначе.

Я обхватываю себя руками и смотрю перед собой, потом на улицу. В какой-то момент устаю ждать, тянусь к сумочке и спохватываюсь... ее нет!

Я не знаю, когда и при каких обстоятельствах успела ее потерять. Может, в клубе она выпала из моих рук...

Или же ее отнял охранник Владимирова, когда вцепился в мой локоть?!

Не знаю.

Чисто по инерции дергаю за ручку двери, хочу вернуться и забрать свою вещь, так как в ней мои документы, но... дверь заперта, как я и думала...

Прикрываю веки. Пытаюсь хоть как-то выйти из оцепенения. Откидываюсь на кресле и жду... жду... жду...

Я не знаю, сколько именно проходит времени. Единственное, что у меня остается, – гнетущее ощущение того, что секунды сменяются минутами, а возможно, и час проходит... или два?

Не знаю. Олигарх явно не спешит на встречу с матерью своего ребенка, и вопрос того, что у него есть дочь, о которой миллиардер ничего не знает, также остается открытым.

Мысленно я уже сто раз проклиная себя за то, что решила встать на пути у Владимирова, но... я делаю это ради своей девочки, и, если надо, к самому черту в преисподнюю спущусь...

Поэтому я упрямо сжимаю зубы и заставляю себя не поддаваться отчаянию и не впадать в истерику.

В какой-то момент мне жутко хочется пить, и я опустошаю в ожидании Владимирова целую бутылочку.

Отсчитываю про себя секунды, но миллиардер все не появляется, и в какой-то момент, жутко измотанная и обессиленная, я просто уплываю в тяжелый сон без сновидений...

Просыпаюсь от хлопка. Вздрагиваю и с трудом разлепляю веки. Не могу понять, где нахожусь. Что происходит. Моргаю несколько раз.

Понимаю, где я, и резко поворачиваю голову, чтобы встретиться взглядом с мужчиной, который автомобиль заводит.

Сердце сразу же останавливается на мгновение, а затем вскачь идет, когда осознаю, что это... не Аркадий Владимиров, а его водитель.

– Куда вы меня везете? – раздается мой глухой голос, но мужчина вопрос игнорирует, я же замечаю, что рядом с ним сидит еще один охранник.

Не помню, те ли это, которые меня привели и посадили в машину. Мне кажется, что от напряжения я уже плохо соображаю.

– Вы мне не скажете, куда мы едем?!

Вновь настаиваю на своем, чтобы хоть что-то узнать, но в ответ тишина. Меня продолжают игнорировать. Тем временем водитель уже встраивается в поток машин.

– Вы понимаете, что это похищение?! – опять раздается мой голос, и я надеюсь, что он хотя бы не дрожит.

В отчаянии дергаю за ручку двери. Не знаю почему. Просто в какой-то момент мне хочется вырваться из этого замкнутого пространства, но, разумеется, она не поддается. Распахнуть дверь у меня не получается, и это к лучшему, так как автомобиль набрал достаточную скорость, а вывалиться на трассу и погибнуть не входит в мои планы.

Я дочке нужна живая и здоровая!

– Послушайте... мне нужно поговорить с Аркадием Демидовичем... Это очень важно...

Вновь пытаюсь достучаться до каменных статуй на переднем сиденье, но у меня не выходит.

В какой-то момент тот, который сидит на пассажирском сиденье, просто включает радио и делает его погромче, очевидно, чтобы избавиться от шума, который я им создаю.

В ужасе от того, как все закручивается, я просто откидываюсь на спинку сиденья и пытаюсь мысленно досчитать до ста. Так еще перед экзаменами научилась делать, когда сильно волновалась. Эта практика помогает отключиться от переживаний и концентрировать внимание исключительно на счете. Произношу заветную цифру «сто» в уме и начинаю обратный отсчет.

Не знаю, сколько раз я так прохожусь до ста и обратно, как вдруг телефон амбала, который сидит рядом с водителем, звонит.

– Слушаю. Да. Терпимо. Хорошо. Будем.

Короткие фразы, только либо у меня мнительность слишком повышается, либо просто чутье срабатывает, и я четко понимаю: телохранитель олигарха говорил обо мне, и решали они, что делать именно со мной.

Прикрываю веки и начинаю молиться. Я должна остаться в живых, должна помочь дочке, в конце концов... сейчас уже другое время, и беспредела быть не может...

Другое время... да... время, в котором муж может честно нажитое отобрать и выкинуть на улицу с одним чемоданом... Времена всегда одинаковые, и драмы с трагедиями в них также одинаково происходят...

Наконец машина вырывается на автостраду и разгоняется.

– Вы меня из города вывозите? В лес, что ли?

Задаю вопрос. и меня тряссти начинается, только мой отчаянный выпад почему-то вызывает смех водителя.

– Ага. Прикапывать будем под кустиком... – отсмеявшись, отвечает он, а у меня, наверное, от стресса давление падает, потому что охранник оборачивается и на меня смотрит, когда я падаю на спинку.

– Не волнуйтесь. Все будет хорошо. Хозяин решил с вами поговорить... С глазу на глаз... – наконец отвечает мужчина, до этого внимательно отсканировав мое лицо. – Водички попейте. При стрессе хорошо помогает...

Всматриваюсь в его лицо. Абсолютно отстраненное. Киборг, которому дали команду, и он исполняет.

– Так значит, вы и говорить умеете, – отвечаю колко, – можно ведь было прояснить ситуацию до того, как я чуть в обморок не упала...

Откуда во мне берутся силы язвить, я не знаю. Мужчина же, светлоглазый блондин, окидывает меня внимательным взглядом и улыбается.

Оставляет мою реплику без внимания и отворачивается, концентрируется на дороге. Я же все-таки следую совету и беру воду. Не потому, что решаю выказать послушание, а просто у меня жутко пересохло в горле. Пью воду мелкими глотками, отгоняя стресс.

Кажется, с этим Аркадием будет непросто... откровенно говоря, сложно... Я ведь не думала, что можно вот так с улицы завалиться к мужчине его возможностей и просто просить о помощи...

Хотя я не думала, что все вообще так сложится...

Наконец автомобиль сворачивает в сторону особняков, которые огорожены высокими заборами. Ясно. Меня привезли в место, где обитают подобные богатеи, но самое странное, что мы проезжаем этот островок золотого круга и едем дальше, пока наконец на склоне я не вижу огромный дом, огороженный кованым забором.

Одновременно массивное и красивое здание выглядит зловещим, а когда автомобиль останавливается у ворот и они распахиваются, я вижу масштабы...

Когда ворота закрываются за автомобилем, мне отчего-то начинает казаться, что меня привезли в самую настоящую тюрьму, из которой не выбраться...

– 3-зачем я здесь? – вновь не удерживаюсь от вопроса, так как меня уже ощутимо потряхивать начинает, и, как это ни странно, получаю ответ от того же охранника.

– Наверное, для «поговорить», – со смешком летит мне в ответ...

При этом сказано так, что становится нечем дышать. Явно ощущается, что это «поговорить» скорее звучит как нечто иное... будто меня будут использовать иначе... можно было сказать вместо «поговорить» слово «спать», или чего еще похуже.

От подобных мыслей у меня мороз по коже. Прикрываю веки. Это какой-то сюр. Просто нервы сдают. Вновь пытаюсь успокоиться. Тем временем машина паркуется и мужчины выходят. Дверь с моей стороны с легкостью открывается.

– Пройдемте, – возникает рядом тот самый шутник, который не прочь посмеяться, и протягивает мне руку, будто джентльмен, приглашая выйти.

Игнорирую. Сама выбираюсь из машины. И вызываю легкую улыбку на мужском лице.

У меня такое ощущение, что охранников я забавляю. Играют, будто кошка с мышкой, когда когти спрятаны, но погонять и заставить жертву запищать – дело привычки.

– Я потеряла свою сумку. Верните, пожалуйста, – неожиданно для самой себя перехожу в наступление.

Мужчина лишь вскидывает бровь.

– Пройдемте. По всем вопросам с вами будут говорить уполномоченные люди, – отрезает. Становится вновь серьезным роботом, который четко выполняет инструктаж и команду своего босса.

Сжимаю зубы. По реакции мужчины, по тому, как он вовсе не удивился, остается четкое понимание, что, скорее всего, моя сумка у службы безопасности Владимира.

Только я не понимаю, зачем это все ему нужно?!

Что они будут искать в женской сумочке?!

Прокладки на каждый день?!

От этих мыслей и от понимания, что кто-то чужой будет лазить по моим вещам, мне плохо становится. На каблуках слегка пошатываюсь, и реакция охранника срабатывает, мужчина поддерживает меня сильной рукой, а как убеждается, что падать к его ногам я не собираюсь, рука исчезает.

Охранник открывает дверь из красного дерева, и меня провожают в дом. Сразу же в глаза бросается огромное светлое пространство, где в глубине стоит рояль...

На мгновение у меня даже дух захватывает от четких линий, от количества картин на стенах. Здесь с легкостью сочетаются модерн и современные решения.

– Посидите тут. Скоро к вам подойдут, – спокойно приказывает охранник и скрывается в одном из коридоров. Неопределенно киваю в ответ. Занимаю указанное место на удобном диване цвета морской волны.

Я замираю в каком-то оцепенении. Не знаю, сколько времени так проходит. Может, час, а может, и два.

Время определенно тянется и тянется, а еще я чувствую, что моя жизнь и судьба ничего не значат для человека, который так и не изъявляет желания поговорить со мной.

Я ему рассказала о дочери! О том, что моя девочка находится на волоске от смерти! О том, что это его дочка!

А он?!

Я не понимаю.... Не понимаю ни этой реакции, которой не было, ни вот такого откровенного игнорирования.

Меня конкретно потряхивает. Нервы сдают, и чтобы не впасть в состояние дичайшей истерии, я намеренно начинаю отвлекать себя, рассматриваю убранство дома, про себя отмечая цвета. Именно проговариваю.

Применяю одну из старых техник по вытягиванию человека из возможной истерики.

Дышу глубоко и в какой-то момент на мгновение зависаю, рассматривая высоченный потолок и люстру в центре зала. Здесь главными принципами стиля выступают простота и эклектичность.

Я с неким замиранием наблюдаю за тем, что именуется стилем контемпорари, когда дизайн интерьера соединяет черты неоклассики, модерна и минимализма.

Взгляд цепляется за одно из полотен, подсвеченных мягким светом. Узнаю одну из популярных картин.

В чистейшем шоке поднимаюсь и подхожу, рассматриваю полотно кисти гениального австрийского художника, яркого представителя стиля модерн.

– Интересуетесь живописью? – раздается абсолютно холодный и ровный голос за спиной, заставляющий меня вздрогнуть.

Резко разворачиваюсь, чтобы увидеть наконец миллиардера Аркадия Владимировича, который спокойной расслабленной походкой проходит вперед и стягивает с плеч дизайнерский пиджак, так же размеренно избавляется от галстука. Замираю в чистейшем шоке, наблюдая за такими расслабленными и совсем неторопливыми действиями мужчины, от которого зависит вся моя жизнь.

– Решила рассмотреть Климта. Пытаюсь не сойти с ума, пока ожидаю вас.

– Узнали его раннюю работу?

– В академии меня учили, что у каждого художника есть свой стиль и узнаваемость, – отвечаю твердо. Мужчина же вновь окидывает меня цепким взглядом.

– Художественная академия, значит, – отвечает как-то неоднозначно и начинает избавляться от платиновых запонок, которые украшают белоснежную сорочку, а я замираю, будто пойманная птичка, в страхе наблюдая за тем, как он небрежно бросает их на круглый столик с орхидеями, а затем принимается расстегивать верхнюю пуговицу рубашки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.